

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРИМОРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (1923—1933 гг.)

Антон Александрович КИРЕЕВ,
кандидат политических наук,
ВИМО АТР ДВГУ

Одним из ключевых вопросов развития СССР в 20-е — начале 30-х гг. XX в., решение которого должно было определить тип формирующегося в стране политического режима, а значит, не только содержание, но и саму меру воздействия государства на динамику различных сфер жизни общества, был вопрос о выборе механизма представительства общественных интересов. В соответствии с конституциями того периода (Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг., Конституция СССР 1924 г.) основными институтами, обеспечивавшими участие населения в управлении государством, являлись Советы, решался вопрос, каким должен быть порядок формирования и функционирования системы советских органов, особенно ее наиболее массового местного звена.

Общественно-политическая роль Советов оставалась предметом напряженной борьбы, в которой при большом разнообразии конкретных точек зрения на проблему столкнулись два принципиальных подхода. Первый, доминировавший в государственной политике, отражал убеждения левой и центристской группировок в большевистской элите. Он состоял в использовании местных советских органов в качестве инструмента легитимации существующей власти и мобилизации масс на осуществление решений, принятых партийными инстанциями. Последовательное его проведение вело к значительному расширению сети институтов партийно-государственного контроля, созданию предпосылок для укрепления авторитарного режима и его перерастания в систему тотального огосударствления общественной жизни.

Другой подход, характерный для наиболее сознательных представителей, не включавшихся партией в состав своей пролетарской социальной базы, предполагал эволюцию Советов в полноценных выразителей интересов общества, обладавших реальной властью на локальном уровне. Реализация этой функции местных Советов могла открыть дорогу к постепенной децентрализации и демократизации политической системы, распространению либеральных принципов нэпа.

Важнейшей социальной силой, объективно противостоявшей курсу на огосударствление Советов, в послереволюционной России являлось крестьянство. В силу своей социально-экономической (как класс само-

стоятельных товаропроизводителей) и культурной (как наиболее традиционная часть общества) специфики большинство крестьян не было predisposed к принятию коммунистической модели модернизации, обеспечивавшей внедрение политических преобразований. Крестьянство являлось крупнейшей и самой значимой в экономическом отношении частью населения страны, настроения которой оказывали кардинальное влияние на политическую ситуацию в обществе. Поэтому борьба партии за Советы была направлена главным образом против превращения их в органы представительства нужд и ценностей крестьянских масс.

В Приморье, воссоединившемся с советской Россией осенью 1922 г., борьба за власть между большевистским режимом и крестьянством была острой и продолжительной. Этому способствовало действие ряда факторов.

С XIX в. сельское население юга Дальнего Востока отличалось более высоким, чем в среднем по России, уровнем жизни. Сравнительно большую долю составляли зажиточные крестьяне с лучшей обеспеченностью хозяйств средствами производства.

Бурные социально-экономические и политические процессы, происходившие в деревне Европейской России в 1917—1920 гг., мало затронули приморское крестьянство. В отсутствие поддержки «сверху» в виде политики «военного коммунизма» классовая борьба под уравнительными и перераспределительными лозунгами не получила в приморской деревне большого размаха. Кроме того, первая волна советизации Приморья 1917 — первой половины 1918 г. почти не коснулась сельской местности. В течение пяти лет после Февральской революции приморское крестьянство использовало в основном разного рода несветские формы местного самоуправления, распространенным и устойчивым среди которых было земство.

Наконец, важным фактором повышения напряженности в приморской деревне являлась внешнеполитическая обстановка. Деятельность маньчжурских центров белой эмиграции, забрасывавших на советскую территорию повстанческие отряды, внушала надежды на возможное свержение власти большевиков. Этому способствовали и сложные отношения СССР с Японией и китайскими властями Маньчжурии, создававшие угрозу новой интервенции.

Особое влияние названные факторы оказали на подготовку и проведение первых выборов в сельские Советы Приморья в январе — феврале 1923 г. В ходе этой выборной кампании партийным органам Приморской губернии предстояло достичь двух трудносовместимых целей. С одной стороны, итогом выборов должна была стать сплошная, повсеместная советизация губернии, что требовало максимально широкого привлечения крестьянского населения; с другой — надо было обеспечить «классово-выдержанный» состав, добиться которого без правового и административного ограничения активности крестьян не представлялось возможным. Учитывая сложность обстановки в деревне, Дальбюро ЦК РКП(б) обособленно предостерегало губкомы от поспешности и недостаточной подготовленности в проведении выборов, способных привести к нежелательным результатам¹.

Накануне выборов партийная организация Приморской губернии провела большую подготовительную работу, главным направлением ее стали меры по повышению явки избирателей. С этой целью партийные агитаторы стремились ознакомить население деревни с положениями Конституции РСФСР 1918 г., которые значительно расширяли состав сельского электората. Согласно традиционным для крестьян представлениям, сложившимся на основе дореволюционной практики сельских сходов, правом голоса обладали лишь главы домохозяйств. По новому законодательству в число правомочных избирателей вошло почти все взрослое (с 18 лет) крестьянское население. Исходя из особенностей региона (низкая плотность населения), губернская избирательная комиссия в два раза снизила конституционные нормы представительства для избирателей (до 1 депутата от 50 чел.) и в 1,5 раза — для поселений (до отдельного сельсовета на 200 жителей)².

Средством повышения электоральной активности крестьян стало впервые вошедшее в политическую жизнь приморской деревни явление — избирательная кампания. С начала января 1923 г. партийные органы развернули планомерную организационную и информационную работу с сельским электоратом. Кроме прямых выступлений перед населением членов деревенских партячеек и присылаемых из городов агитаторов и инструкторов в деятельности по привлечению крестьян на выборы использовались и спешно сформированные на местах крестьянские активы. Основными формами косвенной работы партии с избирателями служило создание «групп содействия советской власти» и проведение крестьянских беспартийных конференций³.

Наряду с увеличением явки целью прямой и косвенной агитации было не допустить в избираемые Советы «классово чуждых элементов». Главная роль отводилась методам административно-правового регулирования выборного процесса: лишение избирательных прав, отказ в регистрации кандидатов, оказание давления на голосовавших на избирательных собраниях.

Проведенные подготовительные мероприятия имели определенный эффект: явка избирателей на выборы в сельские Советы в 1923 г. достигла 59%, что на общероссийском фоне (в среднем 35%) было весьма высоким показателем⁴. Охватив около 750 населенных пунктов губернии, советизация приморской деревни в ходе выборов в основном завершилась. Однако по многим параметрам электоральное поведение крестьян не оправдало ожиданий партийного руководства. Так, в соответствии со сложившимися ранее в общинном быту нормами женщины в выборах участия почти не принимали⁵. Весьма активно и организованно выступила зажиточная часть избирателей, выдвигавшая лозунги создания «крестьянских союзов» и образования Советов без участия коммунистов⁶. По итогам выборов 1923 г. коммунисты и комсомольцы получили в сельсоветах лишь 7,7% мест, тогда как доля «кулацкого и несочувствующего соввласти элемента» — 25%⁷.

Такие результаты были обусловлены причинами как опосредованного внешнего, так и непосредственного внутрисистемного типа. К первым можно отнести указанные выше социально-экономические, институцио-

нальные и внешнеполитические особенности региона, а также инерцию традиционной политической культуры крестьянства. Вторые заключались в структуре самой избирательной кампании, в эффективности действий ее участников и прежде всего ее ведущего субъекта — партийных органов Приморья. В силу ограниченности человеческих и организационных ресурсов, сосредоточенных в деревне, недостатка информации о положении на местах и опыта работы с населением в ходе избирательной кампании 1923 г. не удалось помешать значительной части крестьян сделать свой выбор автономно, без каких-либо указаний и давления «сверху».

К выборам, прошедшим в октябре 1924 г., региональные власти подготовились лучше. За 1923—1924 гг. увеличилась численность партийной и комсомольской организаций Приморья, включая их сельские ячейки. С помощью делегатских собраний была начата политическая работа с женской частью населения деревни. На смену созданным в ходе первой выборной кампании группам содействия пришли массовые и влиятельные крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (кресткомы)⁸.

Заметно расширились возможности агитационно-пропагандистского воздействия государства на крестьянство: в селах и деревнях Приморья развернулось создание сети изб-читален и домов крестьянина, возросла обеспеченность сельского населения советской прессой, книжной и кинематографической продукцией. Особой формой политического воспитания крестьянства стала шефская деятельность в деревне рабочих коллективов городских предприятий под руководством партячек⁹.

Накануне выборов были приняты административные меры по отстранению от участия в них активных противников власти и просто подозрительных лиц. Зачастую произвольно трактуя конституционные нормы, избирательные комиссии пополнили списки крестьян, лишенных избирательных прав. В итоге число «лишенцев» в Приморской губернии выросло более чем в 2 раза и составило 8604 чел. (около 4% от общего количества избирателей)¹⁰.

Комплексная подготовка партийных органов к выборам 1924 г. принесла свои плоды. Вес «партийной прослойки» (коммунистов и комсомольцев) в сельских Советах повысился до 13,1%, доля женщин в них составила 8,8%; 2,7% избранных в сельсоветы были рабочие и батраки, а 13,6% — освобожденные от сельхозналога беднейшие слои крестьянства¹¹.

Вместе с тем «улучшение» состава Советов достигалось на фоне обвального сокращения общей явки крестьян на выборы — в октябре 1924 г. она составила 35,7%¹². Определенное влияние на снижение явки избирателей оказали административно-территориальные преобразования: незадолго до выборов в Приморскую губернию вошла территория бывшей Приамурской губернии. Но главные причины — политические. Отказываясь от участия в выборах, крестьянство выражало свой протест против партийно-государственного диктата в отношении местных Советов, усиливавшегося вмешательством властей в процесс волеизъявления избирателей и в деятельность избранных ими органов.

Рост политической пассивности крестьянства, его отчуждения от Советов (не только в Приморье, но и в других регионах страны) изменил

политику ЦК РКП(б) в деревне (от административного нажима и запретов — методы компромисса, убеждения и поощрения). Сельские жители получили возможность открыто и свободно говорить о своих нуждах, критиковать местную и центральную власть, выдвигать кандидатов в Советы и агитировать за них. По укреплению революционной законности в Приморье были проведены проверки списков лиц, лишенных избирательных прав, которые выявили неправомерность решений принятых в отношении 54,3% лишенцев¹³.

Корректировка партийного курса, произошедшая в конце 1924—1925 гг. под лозунгами «лицом к деревне» и «оживление Советов» наряду с облегчением налогового бремени крестьянства¹⁴ способствовала повышению его электоральной активности. Этому же благоприятствовало и постепенное восстановление экономики села. Под влиянием изменившихся политических и экономических условий с 1925—1926 гг. выборы в сельсоветы Приморья стали проходить в обстановке интенсивной политической борьбы. Постоянным оппонентом партийных органов являлись кулацкие и зажиточные слои крестьянства. Некоторая либерализация большевистской внутренней политики порождала у них надежды отстаивать свои интересы легальным путем, без вооруженных выступлений.

В ходе избирательных компаний 1925—1926, 1927 и 1928—1929 гг. кулаки и зажиточные крестьяне проявили себя как заметная и влиятельная сила. К выборам они готовились не менее серьезно и тщательно, чем их противники. Задолго до избирательной компании во многих селах создавались группы активистов из представителей деревенской верхушки, формировались списки кандидатов, утверждались уполномоченные агитаторы, определялись план ведения предвыборной борьбы, ее методы и лозунги. В период самой кампании они стремились принять участие в проводимых партийными органами массовых мероприятиях (заседаниях групп бедноты, женских делегатских и отчетных собраниях), пытаясь перехватить инициативу и повести большинство односельчан за собой. Кроме того, они активно использовали и собственные формы агитации, включая альтернативные собрания, коллективные застоля, обход дворов, кредитование и др. В случае неуспеха агитации или прямого давления со стороны властей зажиточный актив прибегал к тактике бойкота выборов, а иногда и их срыва с помощью террористических актов. Террор в таких случаях, как правило, не был связан с убийствами — средствами запугивания противников обычно служили угрозы, порча машин, поджоги и т.п.¹⁵

Выдвигавшиеся в ходе избирательных компаний зажиточными крестьянами лозунги отражали сравнительную широту и разнообразие его интересов: вопросы экономической, налоговой и землеустроительной политики государства. Кандидаты от них обычно шли на выборы с требованиями ограничения роста налогов и прекращения перераспределения земельных наделов в пользу переселенцев и корейского населения Приморья¹⁶. Нередким явлением была постановка и собственно политических целей как местного, так и общегосударственного масштаба. К этой категории, в частности, относилось требование восстановления в изби-

рательных правах крестьян-«лишенцев»¹⁷. Неоднократно на сельских выборах 1925—1929 гг. возникал известный со времен гражданской войны лозунг «Советы без коммунистов». Призывая не голосовать за коммунистов и комсомольцев, зажиточные селяне утверждали, что таким путем крестьяне смогут завоевать власть на уровне округа, а в дальнейшем (через «год — два») и в стране¹⁸.

Осуществлявшаяся зажиточной верхушкой предвыборная агитация была адресована прежде всего политически пассивным средним слоям приморского крестьянства. Несмотря на противодействие властей, эта агитация в ряде случаев была успешной, причем основой для образования «кулацко-средняцкого блока» часто служило недовольство середняков налоговой политикой¹⁹. Заявляя об искусственности классового деления, зажиточные крестьяне предпринимали попытки добиться поддержки и со стороны бедняков. Однако интенсивная мобилизационная работа, проводившаяся партийными органами, сводила их, как правило, на нет. Поэтому значительно чаще в ходе избирательных кампаний верхушка деревни стремилась блокировать активность бедноты как неспособной и к хозяйственной, и к управленческой деятельности²⁰.

На сельских выборах 1925—1929 гг. в Приморье отмечалась относительно высокая явка избирателей, в пределах 44—46%²¹. Вместе с тем, судя по данным источников, начиная с 1927 г., явка на выборы зажиточной и средняцкой части крестьянства стала снижаться²². Это было обусловлено общим изменением политической ситуации в стране, которое нашло выражение в повышении налоговой нагрузки и расширении практики лишения избирательных прав и «чисток» уже избранных сельсоветов.

В условиях появления тенденции к постепенному снижению electoralной активности зажиточных крестьян и середняков стабилизация общего уровня явки обеспечивалась постоянно растущей предвыборной мобилизацией главной социальной базы партии в деревне — бедняков, батраков, женщин и молодежи. Сеть организационных средств такой мобилизации, включавшая группы и съезды бедноты, крестьянские конференции, женские делегатские собрания, кресткомы и кооперативы, во второй половине 20-х гг. значительно увеличилась. Это позволило создать в приморской деревне крупный беспартийный актив, содействовавший политической работе сельских партячек, численность которых к этому времени ощутимо возросла (с 1925 по 1929 г. — более чем в 2 раза)²³.

Опираясь на мобилизационные институты и беспартийный крестьянский актив, идеологическое и материально-техническое превосходство в сфере политического воспитания и агитации, приморской партийной организации удалось добиться заметных успехов в «улучшении» состава сельских Советов. За период выборов с 1923 по 1929 г. доля зажиточных крестьян снизилась примерно с 25 до 4,1%, а доля «партийной прослойки» соответственно возросла с 7,7 до 20,8% (8,6% коммунистов и 12,2% комсомольцев). Существенно увеличился вес среди членов сельских Советов представителей опекаемых партией традиционно «безгласных» слоев деревни. По результатам выборов 1928—1929 гг. в составе сельсоветов Приморья насчитывалось 52,6% бедняков и 11,7% женщин²⁴.

Однако в свете нового оформившегося на протяжении 1929 г. курса на форсированную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса, одним из главных инструментов реализации которого должны были стать сельсоветы, все достигнутое представлялось партийному руководству недостаточным. Сохранение в советских органах, в сельскохозяйственно развитых районах Приморья (Гродековский, Ханкайский, Ивановский) представительства зажиточных крестьян, слабость и нерегулярность вышестоящего административного контроля над многими сельсоветами, наблюдавшийся в них «хозяйственный уклон» не позволяли в полной мере рассчитывать на то, что эти институты будут безотказными проводниками государственной политики. Не могло устраивать партийные органы и постоянное снижение электоральной активности середняцкого большинства крестьянства, имевшего по существу характер политического протеста.

Завершение интеграции местных Советов в партийно-государственную систему, приобретающую тоталитарные черты, требовало устранения из процессов их формирования и функционирования последних проявлений самостоятельности и общественной инициативы. Это, в свою очередь, предполагало переход к прямому административному управлению электоральным поведением сельского населения. В Приморье этот процесс начался в связи с досрочной отчетно-выборной кампанией февраля — марта 1930, которая как чрезвычайная акция, проводившаяся в районах сплошной коллективизации, должна была привести состав местных Советов в соответствие с текущими задачами аграрной политики²⁵. Необходимо было перераспределить большинство мест в сельсоветах в пользу бедняцко-батрацкого актива, колхозников, а также направлявшихся в деревню городских рабочих-«двадцатипяти тысячников». За счет подавления в обстановке массовых репрессий любых выражений оппозиционности, организационного давления на избирателей, нарушения законного порядка проведения выборов поставленная цель была в основном достигнута.

Очередные выборы в сельские Советы 1930—1931 и 1932—1933 гг. закрепили результаты кампании февраля — марта 1930 г. Так, к 1933 г. доля рабочих и колхозников среди членов сельсоветов Приморской области составляла 61,9%²⁶. Особенно серьезным изменениям подверглось само электоральное поведение сельского населения Приморья. С исчезновением зажиточного крестьянства избирательные кампании на селе фактически утратили значение института политической борьбы и превратились в монополю и всесторонне управляемый процесс. Способы участия в нем населения получили строго унифицированные и безальтернативные формы. Дальнейшее развитие сети мобилизующе-контролирующих организаций (в период 1930—1933 гг. в их число вошли также колхозы, совхозы и политотделы МТС) сузило возможности и пассивного электорального протеста. Заметный рост явки (по неполным данным о выборах 1932—1933 гг. — в среднем до 59,8%)²⁷ свидетельствовал о том, что после коллективизации партийные органы получили эффективные рычаги противодействия уклонению от голосования.

Таким образом, уже к исходу первого десятилетия существования советской власти в Приморье коммунистический режим сумел добиться необходимой для него интеграции основной массы сельского населения региона в свои структуры не только на институциональном, но и на поведенческом уровне. Безусловно, имея под собой объективные предпосылки, подобный итог явился результатом упорной борьбы между двумя возможными моделями электорального поведения крестьян — автономной и мобилизационной. С точки зрения процесса формирования и противостояния этих двух моделей, политическую историю приморской деревни 1923—1933 гг. можно разделить на четыре этапа.

На первом этапе, связанном с избирательной кампанией 1923 г., были созданы институционально-правовые и идеологические условия для завершения начавшегося (с начала XX в.) разрушения традиционного образа политической жизни приморского крестьянства со свойственной для него электоральной пассивностью. Вовлечение крестьянства в слабо контролируемый партийными органами советский избирательный процесс сопровождалось формированием двух новых (автономной и мобилизационной) активистских моделей его электорального поведения.

На втором этапе в ходе выборов 1924 г. партийное руководство предприняло попытку административного подавления автономной электоральной активности селян, лидером и вдохновителем которой являлась оппозиционно настроенная зажиточная верхушка. Однако этот преждевременный шаг привел к резкому падению явки избирателей и угрозе легитимации власти сельских Советов.

На третьем этапе (1925—1929 гг.) партия была вынуждена допустить достаточно широкое участие зажиточных слоев в избирательных кампаниях, что придало им характер острой политической борьбы, частью которой стало соперничество двух моделей электорального поведения. Параллельно была проведена масштабная работа по созданию из представителей ранее дискриминированных слоев приморской деревни (бедняков, батраков, женщин и молодежи) нового политического актива, готового к управляемому включению в избирательный процесс.

На этапе 1930—1933 гг. эта работа наряду с целым комплексом последствий коллективизации сельского хозяйства Приморья обеспечила окончательное возобладание мобилизованной формы участия крестьян в выборах и ее постепенное утверждение в качестве политико-культурной нормы. Укоренение модели автономного, индивидуализированного и критичного электорального выбора с социальной и физической ликвидацией его главного носителя — зажиточного крестьянства — было прервано.

1 Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября. М., 1986. С. 129—130.

2 Флеров В.С. Восстановление Советов в Приморье (январь — март 1923 г.) // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958. С. 320.

3 Большух А.В., Зибарев В.А., Крушанов А.И., Кузнецов М.С., Мандрик А.Т., Флеров В.С. История Дальнего Востока СССР. В 4 т. Владивосток, 1977. Кн. 7. С. 28—31; Флеров В.С. Восстановление Советов... С. 324.

4 РГИА ДВ. Ф. 2422, оп. 1, д. 649, л. 89; Большух А.В., Зибарев В.А., Крушанов А.И., Кузнецов М.С., Мандрик А.Т., Флеров В.С. История Дальнего Востока... С. 31—32.

- ⁵ Строительство Советов // Советское Приморье. 1925. № 11. С. 5.
- ⁶ Флеров В.С. Восстановление Советов... С. 323, 325.
- ⁷ Большух А.В., Зибарев В.А., Крушанов А.И., Кузнецов М.С., Мандрик А.Т., Флеров В.С. История Дальнего Востока... С. 31; Строительство Советов // Советское Приморье. № 11. С. 5.
- ⁸ Большух А.В., Зибарев В.А., Крушанов А.И., Кузнецов М.С., Мандрик А.Т., Флеров В.С. История Дальнего Востока... С. 49—51, 55, 58, 60—62.
- ⁹ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX—XX вв. Владивосток, 1991. С. 177—180.
- ¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 2422, оп. 1, д. 649, л. 89.
- ¹¹ Материалы к отчетному докладу Владивостокского окрисполкома 3-му окружному съезду Советов. Владивосток, 1929. С. 127.
- ¹² РГИА ДВ. Ф. 2422, оп. 1, д. 649, л. 89.
- ¹³ Большух А.В., Зибарев В.А., Крушанов А.И., Кузнецов М.С., Мандрик А.Т., Флеров В.С. История Дальнего Востока... С. 64—67. Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С. Самоуправление крестьян России (XIX—начало XX в.). М., 2004. С. 54—58.
- ¹⁴ Лыкова Е.А., Проскураина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20—30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток, 2004. С. 57, 61, 63.
- ¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 25, л. 247—248; д. 233, л. 55, 63—64; д. 923, л. 41; Билим А.М. Укрепление партийно-политических и государственных основ союза рабочего класса с трудовым крестьянством на Дальнем Востоке в годы первой пятилетки (1928—1932) // Социально-политическое развитие дальневосточной деревни (советский период). Владивосток, 1984. С. 34; Очерки истории Приморской организации КПСС. Владивосток, 1971. С. 166.
- ¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 25, л. 248, 254.
- ¹⁷ Там же. Д. 923, л. 41; Местные Советы Приморья: Страницы истории: сб. док. 1922—1985 гг. Владивосток, 1990. С. 83.
- ¹⁸ ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 727, л. 2; РГИА ДВ, Ф. 2413, оп. 4, д. 25, л. 247—248; Очерки истории... С. 166.
- ¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 939, л. 297; Большух А.В., Зибарев В.А., Крушанов А.И., Кузнецов М.С., Мандрик А.Т., Флеров В.С. История Дальнего Востока... С. 69—70; Местные Советы Приморья... С. 82—83.
- ²⁰ ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 727, л. 2; РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 923, л. 41.
- ²¹ Подсчитано на основе: ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 199, л. 10; РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 233, л. 19, 53.
- ²² РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 233, л. 55; Местные Советы Приморья... С. 83.
- ²³ Очерки истории... С. 397, 399.
- ²⁴ ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 199, л. 10.
- ²⁵ Билим А.М. Укрепление партийно-политических... С. 36—37; Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С. Самоуправление крестьян... С. 74.
- ²⁶ Местные Советы Приморья... С. 115.
- ²⁷ Подсчитано на основе данных по 7 районам Приморья (РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 530, л. 145—146).

SUMMARY: The article by Candidate of Political Sciences A. Kireev is devoted to researching conditions, factors and results of participation of Primorsky peasantry in elections of local Soviets of the period 1923—1933. The author analyzes methods and a course of struggle for voices of rural voters between party bodies and an opposition—top of the village, acted carriers not only resisting political values and interests, but also two curious models of electoral behavior—mobilization and independent ones. In the conclusion to the article the author's periodization of political history of Primorsky village in the 20—the early 30s, based on studying election process is given.